

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОТ ПРИНУЖДЕНИЯ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ГОСПОДСТВУ

В статье проанализированы тенденции трансформации властных отношений. Внимание акцентировано на смысло-творящей функции правящих элит. В условиях технологизации и информатизации социальной жизни принуждение и угроза санкций как основные механизмы власти используются меньше. Более эффективными механизмами управления становятся влияние, убеждение, коррекция ценностно-символического мира индивидуума.

У статті проаналізовано тенденції трансформації владних відносин. Увагу акцентовано на смислоутворюючій функції правлячих еліт. В умовах технологізації та інформатизації соціального життя примус і загроза санкцій як основні механізми влади використовуються менше. Більш ефективними механізмами управління стають вплив, переконання, корекція ціннісно-символічного світу індивідуума.

Tendencies of transformation of power relations have been analyzed in the paper. Attention is concentrated on the sense-making function of ruling elites. The compulsion and threat of sanctions are used less as the basic power mechanisms in conditions of technologization and informatization of social life. The influence, persuasion, and correction of the value-symbolic world of an individual become more efficient control mechanisms.

Ключевые слова: власть, правящая элита, информатизация, влияние, смыслы, ценности.

Ключові слова: влада, правляча еліта, інформатизація, вплив, смисли, цінності.

Keywords: power, the ruling elite, information, influence, meanings, values.

Власть всегда подразумевает отношения подчинения, что было детально рассмотрено в одной из наших работ [5]. Тенденции развития социальных отношений привели к постепенному росту уровня свобод граждан, большему их вовлечению в политические процессы. Соответственно, во внутренней политике многих государств формы подчинения в силовых или жестко директивных вариантах, будучи эффективными лишь в краткосрочной перспективе, постепенно утрачивали свою эффективность и использовались все реже. Власть же всегда нуждается в закреплении и воспроизводстве отношений между подчиняющим и подчиняющимся, доведения их до опривыченного состояния. Институционализируясь, властные отношения обретают не только свои организационные формы, но и переходят в состояние укорененных традиций, устоявшихся политико-культурных практик, моделей политического поведения, взаимоотношений внутри власти и масс-элитных отношений. И здесь сила санкций и страха от угрозы их применения имеет наиболее уязвимую позицию. Власть держится на многих эмоциональных и рациональных «столпах». И в этой конструкции подчинения объекта и, что самое главное, признания им своего подчинения, страх применения санкций будет играть очень кратковременную и неуверенную роль.

Если создание моделей подчинения в том или ином обществе формируется исторически, исходя из условий его существования и факторов, влияющих на него, то закрепление форм властных отношений и самих политических институтов постоянно проводится самими политическими элитами, которые заинтересованы в установлении и сохранении определенной конфигурации социального порядка. Политической системе недостаточен только установленный легальный порядок реализации государственной власти, ей необходима его легитимация, утверждение в восприятии и регулярных практиках граждан. Что невозможно без информационного обмена между государством и обществом, регулярно и системно проводимой

воспитательной и пропагандистской работы, формирования, прививания и закрепления у граждан поведенческих моделей, соответствующих логике этой системы. В концентрированном виде такая политика государственной власти проводилась посредством трансляции и утверждения в общественном сознании идеологием, а также (в более завуалированном виде) мифологием.

О легитимации власти, политических режимов в тех или иных обществах написано множество работ. В частности, перечисляя только работы украинских социологов, можно назвать теоретические работы В.Резника [12], А.Шульги [15], значительные фрагменты которых посвящены исследованию становления и развития понятия “легитимация” в социологической науке. Осмысление власти на уровне символических структур было выполнено в работах В.Бурлачука [3], Н.Соболевой [14]. Общие процессы легитимации власти в украинском политическом пространстве затрагивались в работах Н.Паниной и Е.Головахи [4]. Роль смыслообразующих элит в механике легитимации политических режимов рассматривалась в работе Н.Шульги [16]. Социальная легитимация украинской государственности с точки зрения методологических и методических проблем ее изучения проанализирована в работах А.Резника [13]. Таким образом, исходя из насыщенности социологического научного дискурса теоретическими и прикладными исследованиями по проблеме легитимации власти вообще и государственной власти в частности, мы можем сконцентрировать внимание на более узком фрагменте этого поля. Речь идет о роли политических элит в формировании и утверждении иерархических социальных порядков, основанных на них политических системах и, что самое важное, своего места в них.

Непропорциональность распределения власти в любом социальном образовании зиждется в первую очередь на основании объективности иерархизации, закономерность которой была впервые сформулирована Р.Михельсом в “железном законе олигархии”. Однако диспропорции во

властных отношениях имеют и субъективные основания. Существование и обоснование иерархизированных социальных систем, свое место в которых занимают и будут занимать “избранные” в том или ином виде, и производная от этого непропорциональность распределения власти являются одним из главных интересов элит. Во многом формирование и утверждение тех или иных моделей властных отношений является продуктом деятельности самих правящих элит. Российский исследователь О.Малинова справедливо отметила, что “политические элиты неизбежно участвуют в производстве и воспроизводстве смыслов – идей, символов, нарративов, норм и т.п. ...Функция производства смыслов является неотъемлемой частью деятельности элит” [10, с. 280].

В истории политической идеологии можно проследить эволюцию идей о могуществе элит и обоснованности их власти над массами. Эта эволюция базировалась на смене качеств, наиболее востребованных в обществах в тот или иной период их развития. Военную силу потеснило (но не отменило) благородное происхождение и богопомощие как идеологическое обоснование власти благородных. В условиях капитализма были нивелированы жесткие границы элиты образца феодальной аристократии. Богатство стало универсальным и гибким критерием элитарности, а либерализм – идеологическим обоснованием справедливости существования элиты богатых среди бедных масс. Власть и богатство, не будучи тождественными по смыслу, стали практически неразрывными понятиями. Г.Моска еще в конце XIX в. вывел формулу взаимосвязи и взаимовоспроизводства между богатством и властью: “Богатство создает политическую власть так же, как и политическая власть создает богатство”. Однако XX в. с ускоренными темпами технологического прогресса, углублением специализации труда и производства (как материального, так и нематериального), “революцией менеджеров” внес свои коррективы в конфигурацию элитных структур. Собственность и богатство перестали быть основой существ-

вова иерархических систем в социумах. Отсюда выводы Миллса о властвующей элите США, занимающей руководящие позиции в главных социальных институтах [11].

Как уже отмечалось выше, со второй половины XX в. такие “чистые” капиталы, как деньги и собственность, теряют свою ликвидность как элитообразующий фактор. Богатство как критерий выделения элитных групп и как основание их претензий на господствующие позиции в том или ином обществе изживает себя, становится второстепенным, вспомогательным фактором. На смену ему пришло знание. Причем расширение доступа к высшему образованию до сих пор не смогло ликвидировать дефицит знания. Еще в 70-е годы Д.Белл писал, что “для пост-индустриального общества более значимым становится не переход от собственности или политических критериев к знанию как фундаменту новой власти, а *изменение характера самих знаний*” (курсив наш. – А.З.) [2, с. 462]. Последнее подразумевает владение эксклюзивной информацией, эффективное использование которой может дать материальный доход, оперативное (пространственное или временное) преимущество, информационную и политическую власть. Шведские исследователи А.Бард и Я.Зодерквист считают, что главную роль уже в ближайшем будущем будет играть информационное господство [1]. Это, в свою очередь, приведет к тому, что на смену плутократам, сменившим ранее родовую аристократию, придут нетократы – элиты сетей. Элитность будет определяться таким качеством, как нахождение в сетевых узлах, на пересечении потоков и магистралей социальной жизнедеятельности (которая все более уходит в информационное пространство), что, собственно, и будет давать власть. Причем это сетевое владычество осуществляется не только в плоскости реальной социальной структуры [7, с. 388–391], но и на виртуальном уровне, в информационном пространстве. Как отмечают Барт и Зодерквист, важно владеть нужным и полезным знанием. Хотя в современных условиях гораздо проще быть погребенным под горами ничего не знача-

щей, бесполезной, а зачастую и искаженной информации. Современную же элиту составляют именно те “избранные”, которые умеют отметать бесполезную информацию и эффективно применять нужные знания. При этом над знанием как ценным ресурсом сохраняется контроль.

Элитные группы, будучи более инициативными, всегда опережают неэлитные социальные группы. Исходя из конъюнктуры и возможностей поддержания или преобразования сложившейся системы иерархических отношений, элиты стараются сохранить контроль и свою власть над массами. В условиях безоговорочного господства элит в информационном пространстве ценностно-символический мир массового общества постоянно подвергается коррекции, где одни составляющие консервируются, сохраняются неизменными. Другие – актуализируются, на них заостряется внимание. Третьи подвергаются реставрации, разархивации. Четвертые, наоборот, подвергаются шельмованию и высмеиванию с намерением уменьшить их значимость. Пятые замалчиваются и тщательно “архивируются”, говорить о них представляется как дурной тон. Примеров можно привести много, но это является темой отдельной работы. В данном случае мы хотели бы констатировать факт усиливающейся тенденции, где распространение информационных технологий сопряжено с изменением самого характера властных отношений между подчиняющим и подчиняющимся. Во-первых, с распространением телевидения и Интернета существенно упростился доступ к каждому элементу массового общества, информация стало доносить проще, быстрее и качественнее. В данном случае мы имеем дело с эффектом “сжатия пространства”. Во-вторых, несмотря на имеющееся многообразие возможностей, которое сегодня предоставляет информационное поле, там тоже выстраивается определенная иерархическая сеть, через которую транслируется информация. Появляются глобальные центры или узлы, которые задают тон подачи информации, приемлемые точки зрения, допустимые в ее контенте. От глобальных

узлов “отшлифованная” информация перенимается национальными ретрансляторами, от них – региональными. При этом речь здесь идет не только о СМИ (хотя они играют важнейшую роль в этом процессе), но о гораздо более широком круге агентов. В нынешних условиях национальные информационные поля отдельных государств уже не могут быть полностью независимыми. “Смысло-творящие” элиты в условиях широкой торговли знанием, как отмечал Н.Шульга, вынуждены включаться “в банальные рыночные отношения, что нарушает первозданность, чистоту и главное – независимость ее творчества” [16, с. 186]. Не только отдельные субъекты информационного поля (парламентарии, литераторы, эксперты из разных отраслей знания, журналисты, преподаватели вузов и др.) могут вольно или невольно стать ретранслирующими агентами, но и целые социальные институты (например, институт образования). При всей важности этой проблемы для темы нашей работы детально углубляться в нее мы не будем. При этом считаем необходимым подчеркнуть все более повышающуюся роль информации и массовых коммуникаций в социальных отношениях вообще (о чем еще в середине XX в. писали П.Лазарсфельд и Р.Мертон [8]) и во властных отношениях в частности. Очевидно, что в информационном обмене роль неэлитных групп будет в основном потребительской, но никак не продуцирующей. В 1950-х годах Ч.Р.Миллс писал о переплетении в единое ядро правящей элиты США политического директората, представителей корпораций и генералитета. Сейчас в этот элитный пул можно смело добавлять директоров и главных редакторов крупнейших медиахолдингов, авторитетных представителей экспертных сообществ, ученых, активных участников сетевых сообществ, дающих эксклюзивную информацию, и других акторов, находящихся на пересечении важнейших информационных потоков. Так или иначе, смысло-творящая, информационно-генерирующая элита всегда будет тесно связана с властью и власть предержащими тем или иным образом,

вольно или невольно, а массам остается роль статистов и потребителей информации.

Здесь уместна постановка следующего проблемного вопроса: можно ли непосредственное господство элит над умами и поступками масс считать “чистой властью”? Думаем, что для этого есть все основания. Объект (массы) даже может не ощущать и, тем более, не осознавать власть над собой со стороны конкретного субъекта (элиты), но при этом сохраняется их подчинение как результирующий эффект информационного воздействия элит. Пересмысливая логику веберовского определения власти, можно отметить, что в современных условиях элиты не осуществляют власть вопреки воле объекта (масс), поскольку они сами и формируют эту волю, мировоззрение, интересы, цели, предпочтения. Именно об этом писал и С.Льюкс, обосновывая свою трехмерную модель власти. В современных условиях сфера власти не ограничивается только поведением, а включает в себя и контроль над ценностями и убеждениями [9, с. 27, 45].

Массовым обществом в современном его виде становится проще управлять. Это звучит парадоксально с учетом усложнения самого процесса и технологии управления. Однако именно в условиях стремительной технологизации мира, сопровождающимся колоссальным ростом объемов информации и вместе с тем “сжатия пространства”, люди во всем мире все быстрее освобождаются от былых рамок социального контроля, традиционных норм и ограничений. Реальные социальные сети уступают место виртуальным. Общества становятся все более индивидуалистичными, но вместе с тем и все более атомизированными, где человек превращается в одинокий “байт” в цифровом измерении. При всем богатстве выбора информации люди становятся все более одинокими и все менее защищенными от ее неконтролируемых потоков. При этом большинство граждан в массовом обществе, как отмечал С.Кара-Мурза, “не желает тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообще-

ниях” [6, с. 24]. Все это накладывается на феномен переизбытка информации и дефицита подлинного знания. Люди оказываются погребены под массой ничего не значащей, а подчас и вредной информации, их внимание постоянно переключается на второстепенные темы. В таких условиях, где устанавливается фон перманентной “бессобытийной многособытийности” [16, с. 187], не могут быть сформированы устойчивые социальные группы, которые могли бы артикулировать свои реальные интересы и предпринять коллективные действия для их защиты. Идеология демократии становится наиболее востребованной, поскольку необходимость использования прямого принуждения через директивы, угрозы применения санкций и т.п. становятся слишком затратными и малоэффективными. Демократия же используется в качестве обоснования установившихся форм социально-политических и социально-экономических отношений, ни в коей мере не утративших своей иерархичности и непропорциональности. Изменяются ситуативные игроки, но неизменной остается сама система властных отношений. Именно в таком ключе Й.Шумпетер охарактеризовал современную западную демократию, которая “означает лишь то, что народ имеет возможность согласиться или не согласиться, чтобы им правила та или иная личность” [17, с. 352]. Общество трансформируется в потребительскую массу и электорат (что в принципе одно и то же), поскольку ему дают выбирать только из заданного “коридора” дозволенного. Описывая современные технологии манипуляции массовым сознанием, С.Кара-Мурза точно обозначил в этих процессах роль социальных интересов, которые связывают между собой атомы гражданского общества. “Удары по каким-то точкам (идеям, смыслам) большого ущерба для целого не производят... Зато эта ткань трудно переносит “молекулярные” удары по интересам каждого (например, экономические трудности). Для внутренней стабильности нужно лишь контролировать “веер желаний” [16, с. 47].

В заключение отметим, что проблема элиты и типов ее господства в конкретные периоды ее функционирования

всегда связана с ресурсами. Ресурсы являются определяющим фактором формирования правящих элит и утверждения их господства в том или ином обществе. Ресурс всегда имеет ценность лишь в условиях ограниченности своих объемов, когда спрос на него стабильно превышает предложение. Поэтому властеобразующая и элитообразующая база ресурсов зачастую содержится в условиях контролируемого дефицита со стороны самих правящих элит. Если дефицита нет, то его необходимо создать. Иначе всеобщий доступ уничтожит как элитарность, так и сами основания властных отношений. Ресурсом новейшего периода истории человечества стало знание, а властные отношения обрели тенденции трансформации в информационное господство элитных групп, которые используют механизмы смыслообразования и перманентной коррекции ценностно-символического мира масс.

Литература

1. Бард А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А.Бард, Я.Зодерквист ; Стокгольмская школа экономики. – СПб., 2004. – 252 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Белл Д. – М. : Academia, 1999. – 956 с.
3. Бурлачук В. Символ и власть. Роль символических структур в построении картины социального мира / Бурлачук В. – К. : ИС НАНУ, 2002. – 266 с.
4. Головаха Е Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до “оранжевой революции” / Е.Головаха, Н.Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – №3.
5. Зоткин А. Проблемные зоны концептуализации власти / А. Зоткин // Соціальні виміри суспільства. – 2013. – Вип. 5 (16). – С. 211–221.
6. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / Кара-Мурза С. – М. : Алгоритм, 2000. – 736 с.

7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Кастельс М. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

8. *Лазарсфельд П.* Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие / П. Лазарсфельд, Р. Мертон // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М. : Едиториал УРСС, 2000. – С. 138–149.

9. *Льюкс С.* Власть: Радикальный взгляд / Льюкс С. ; пер. с англ. А.И.Кырлежева ; Гос. ун-т. – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 240 с. – (Политическая теория).

10. *Малинова О.Ю.* Политические элиты как “производители смыслов” российской политики: к постановке проблемы / О.Ю.Малинова // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М. : Российская пол. энцикл. (РОССПЭН), 2011. – С. 280–293.

11. *Миллс Р.* Властвующая элита / Миллс Ч.Р. ; пер. с англ. Е.И.Розенталь [и др.] ; предисл. В.Е.Мотылева ; ред. Л.Я.Розовский. – М. : Изд-во иностранной лит., 1959. – 543 с.

12. *Резнік В.С.* Легітимація приватної власності як концепт соціологічної теорії / Резнік В.С. – К. : ІС НАНУ, 2010. – 512 с.

13. *Резнік О.* Громадянські практики в перехідному суспільстві: чинники, суб'єкти, способи реалізації / Резнік О. – К. : ІС НАНУ, 2011. – 336 с.

14. *Соболева Н.І.* Соціологія суб'єктивної реальності / Соболева Н.І. – К. : ІС НАНУ, 2002. – 296 с.

15. *Шульга А.* Легитимация и “легитимация”: феноменологический анализ / Шульга А. – К. : ІС НАНУ, 2012. – 208 с.

16. *Шульга Н.А.* Дрейф на обочину : двадцать лет общественных изменений в Украине / Шульга Н.А. – К. : Друкарня “Бізнесполіграф”, 2011. – 448 с.

17. *Шумпетер Й.* Капіталізм. Соціалізм. Демократія / Шумпетер Й. – К. : Основи, 1995. – 528 с.